

Как это начиналось Век. Москва. — 1994. — № 10. — С. 5

Вулканом взорвался Парнас

В литературоведческих изданиях, в толстых литературных журналах все чаще встречается понятие «Мансарда». Но широкому читателю сей феномен из истории отечественной поэзии пока неизвестен. Я благодарна судьбе за то, что имею возможность рассказать о людях, которых знаю лично...

Московский институт иностранных языков или кратко — Иняз пережил в 1950-е годы свои золотые дни. В стенах этой альма-матер неожиданно расцвел давным-давно невиданный цветник молодых талантов.

Здесь возникло объединение поэтов, которое называют первой неофициальной литературной группой послесталинской эпохи. Об этой группе вспомнили и заговорили лишь недавно. Имена ей дают разные: «круг Красовицкого», «группа Черткова», «Мансарда окнами на запад», «Новый мир» (№ 4) посвятил ей пространственный материал, озаглавленный «Отделение литературы от государства. Как это начиналось».

Но почему Иняз? Почему именно здесь вулканом взорвался отечественный Парнас, заснувший было, задремавший? И вот, разливаясь неумолимой лавой, закипела-забурлила творческая жизнь.

Объяснение этому есть. Идеологический пресс был здесь, очевидно, не таким тяжким, как в других гуманитарных вузах. Светлые головы чувствовали это. Иняз стал для молодых московских интеллектуалов отдушиной от каждодневной и ежеминутной гнетущей ждановщины. Сюда шли не только за специальностью и дипломом, но и ради интересной жизни в более или менее свободной, независимой творческой среде.

Примечательный случай. Один из студентов-поэтов, захваченный литературным творчеством, учился из рук вон, часто пропускал занятия. Каким же образом он вдруг с блеском сдал экзамен по лексике английского языка самому Гальперину, строгому профессору, автору вузовского учебника? Студенту досталось перевести с английского отрывок из «Холодного дома» Диккенса. Отвечал без подготовки, перевел, что называется, с листа. Переводил ли? Экзаменуемый знал наизусть русские переводы хрестоматийных страниц великого английского романиста.

Эрудация! Она давала ребятам возможность ориентироваться в те времена, когда культурная информация была сужена до предела, когда стихи Ахматовой и Пастернака в библиотеках выдавали только по отношениям декана факультета или директора института, когда за увлечение стихами Есенина можно было вылететь из комсомола и испортить себе будущую карьеру...

Но всему есть конец. Ранней весной 1953 года умирает «вождь народов». Уже в конце апреля — о, диво! о, чудо! — по радио начали передавать «Утомленное солнце», «Рио-Риту», танго и фокстроты, запрещенные при недавней борьбе с космополитизмом.

Месяц за месяцем дышать полегче.

Мыслящая молодежь бредит грядущими переменами. Она не так скована страхом, как старшие поколения. В 1954 году И. Г. Эренбург создает повесть «Оттепель», давшую имя последующему периоду нашей истории.

Инязовцы явно опережают время. Но стихи 20-летних поэтов вопреки всеобщему повеселению исполнены драматизма и трагических предчувствий. Они (и это тоже удивительно) не видели близкой развязки, конца туннеля. Время мчалось «Экспрессом» Станислава Красовицкого (январь, 1956).

... Самый страшный секрет так бывает разжеван, что почти понимаешь — все про нас, про одних рельсы били в пустые бутылки боржоми, и проталкивал в тамбур темноту проводник.

И тогда показалось, с отчаянья, что ли, то ли просто от страха, что дни без лица: дни мертвой, чем сугробы, чем ломберный столик, И мертвей, чем в постели лицо у отца...

— У них ничего нет, кроме сногшибательных образов! — восклицает зоил в тогдашней «Комсомольской правде». А сам боится процитировать рецензируемых (читай — обвиняемых) авторов. Даже имена молодых поэтов наводят ужас на идеологических вождей, кзгэбэшников и проч., и проч. Ребят называют «некие», «некоторые». Ведь имена могут прожечь газетные полосы.

Инязовский цех поэтов — это полная независимость от официальной литера-

самых авторитетных переводчиков англо-американской поэзии) помимо своих оригинальных стихов читал новые переводы из Джеймса Джойса. Вот уж поистине взрывные, искрометные тексты!

Самым удивительным энциклопедистом был в компании студент Библиотечного института Леонид Чертков (позднее Борис Слуцкий назвал его архивным юношей). Один пример. Благодаря Лене «вошли в моду» фантастические повести московского ботаника Х — А. В. Чаянова. И это в 50-е, а не в 90-е годы! И тогда труды философа отца Павла Флоренского читали наизусть в «Мансарде окнами на запад».

Кто-то из поэтов назвал так комнату «проклятой поэтессы» Инязы Галины Андреевой, где собирались молодые литераторы, художники, композиторы. В этом «салоне» заведомо был оригинальнейший человек Николай Шатров, посвятивший всего себя поэзии. Он юношей, еще при живом Сталине, писал страх как «криминальные» вещи. Он мог ворчать на Пастернака, несмотря на то, что Борис Леонидович ценил его и помогал ему материально. Мог потерять паспорт и жить без него 3—5 лет. Однажды его хотели судить за нарушение паспортного режима. Спас кто-то из влиятельных деятелей культуры. Выпускник двух факультетов МГУ, статный, красивый мужчина, он вынужден был устроиться смотрителем в Третьяковку, где среди смотрителей пенсионного возраста выглядел белой вороной. Это он, замечавшись, угодил в работающий снегоочиститель, изрядно пострадал. Как это похоже на отвлеченность студента Ансельма из гофмановского «Золотого горшка»! Уйдя из жизни в 48 лет, Николай Шатров оставил большое поэтическое наследие. В нашей стране его стихи впервые опубликовал журнал «Волга» через 15 лет после смерти автора.

Но вернемся в 50-е. Стихи из «Мансарды» разлетаются уже не только по Москве, а буквально по стране. Поклонники Красовицкого объявляются даже во Владивостоке. И тогда КГБ наносит тщательно продуманный удар. В январе 1957 года арестовывают душу компании — Леонида Черткова. Попробуют склеить дело об «антисоветской организации». Не удается. Но Черткову дают пять лет по мрачнейшей 58-й статье. И в годы, которые считают серединой оттепели, он отсидел весь срок от звонка до звонка. Лишь

один Эренбург пытался тогда что-то сделать для Лени. Куда там! Это был первый, и, наверное, самый жестокий литературный арест послесталинских времен. Власть своего добились. «Мансарда» стала затухать, утратив консолидирующее начало. Вскоре Красовицкий напроць, по-гоголевски, отказывается от всего, что создал и становится православным священником — отцом Стефаном. Наступали новые времена, в литературу пришли «шестидесятники».

Зачем же на краю рассвета близки к отчаянию порой и вдохновение поэта, и радости любви самой?

Галина Андреева
«Новый мир»
Раздумий этих ночью белой
не одолеет забыть.
Ночная бабочка влетела
в окно открытое мое.

Напоминая стих старинный,
за нею след влетают в дом
волокна ваты тополиной
и запах липы под дождем.

Казалось бы, приметы счастья,
как эти бабочки в окне,
привлечены огнем в ненастье,
опять слетаются ко мне.

Откуда ж это наважденье,
как голос демона в ночи,
бессонница и вдохновенье,
невыносимое почти?

Загадки ночи удалились,
приблизилась загадка дня
и те, что в мире появились
как будто только для меня.

Зачем же на краю рассвета
близки к отчаянию порой
и вдохновение поэта,
и радости любви самой?

Олег Гриценко
Покровы праведности ткитесь,
А сила тайная копится.
Россия, сокровенный Китеж,
Не открывайся,
Затаись.

Уйди в глубины Светлояра,
Замкнись Китайскою стеной,
Стань средь всемирного пожара
Неопалимой Купиной.

Андрей Сергеев
Граф Хвостов
(Разглагольствует вышедший к саням
пьяненький господин)

Согнувшись, как француз
несчастный,
Ты снегом до полу оброс.
Проснись, возница мой
безгласный,
Проснись, мой добрый дед-мороз.

Ты помнишь старину, Пахом,
Когда от щедрости московской
Тебя в сердцах ругнул стихом
Добрейший господин Жуковский?

И мы езжали на балы,
И чем моложе, тем охотней.
Там Пушкин потешал углы
И женщин добирал до сотни,

Там Грибоедов отравлял
Гостей своим змеиным взглядом...
А рядом веселился зал,
Плясали и шумели рядом.

Но диво! Каждый умолкал
И шею дыбил, как жирафа,
И в воздух проникал скандал
При первом появлении графа.

И прыскал в руку друг и враг,
Когда по-старчески, вприсядку,
Он проходил, держа в руках
Едва просохшую тетрадку.

И возводя на пьедестал,
Во утешение народу
Он важным голосом читал
Громом колющую оду.

И шепоток по залу шел:
— Свистов на леченом Пегасе!
Екатерининский осёл,
Орлом сидящий на Парнасе!

А что им дела? Божий дар
Они сочили, видать, за право
Бранить того, кто сед и стар
И не умеет врать лукаво.

Пусть написал он что не так
И — будь по-вашему — бездарен, —

Он был врагам незлобный враг,
Он был друзьям широкий барин.

Ему не застил света хмель,
И музы не несли копейку.
Он чтит жуковскую свирель
И пушкинскую канарейку,

Он в Бога веровал! А Бог,
Видать, решил: не быть поэту.
Да так ли плох убогий слог?
Пахом, гони скорее в Лету!

Отец Стефан
(Станислав Красовицкий)
Причуды странные зимы —
Все ветки в ледяном футляре.
Когда сквозь них проходим мы,
Они играют при ударе.

Приветствую тебя, мороз,
Что в дни опасного скольженья,
Ты эту песенку принес
Несчастным людям в утешенье.
«Русск. мысль»
Париж, 1990 г.

Николай Шатров
(из «Волги», 1990, № 11)
Я был украден, подменён
Самим собою в древнем детстве.
Отсюда этот миллион
Терзаний, наслаждений, бедствий...

Есть расстоянья для людей.
Мне странствовать сквозь состоянья.
То блудодей, то чародей —
Так начинаются цыгане.

Но надо в духе осознать
Присягу царственного слова, —
Тогда ты подлинная знать
И можешь не рождаться снова.

Когда ты — истинный поэт,
Тебе до истины нет дела.
Ты пишешь, потому что свет
Твое переполняет тело.
1950-е

Б. Пастернаку
Свет и служба идет...
(Б. Пастернак)

От Космы с Домианом
До Михайлова дня
Все покрылось туманом
И не видит меня.

Незабвенный учитель,
Сколько лет, сколько зим
Ты заоблачный житель
Над погостом своим.

Сердцу не было силы,
Ни судьбы, ни пути
На времянку могилы
Поклониться прийти.

Крепок духом и плотью
В моровые года,
Сам ты будто в полете
Находился всегда.

И тебе поклоненье
Так воздушно дано,
Точно к небу ступени
Сосчитали давно.

От Космы с Домианом
До Михайлова дня
Должником постоянным
Осень видит меня.

Я молюсь этой дали —
От стола до звезды,
Чтоб и мне засчитали
Неземные труды.

Леонид Чертков
Действительно, мы жили,
как князя —
Как те князя, кого доской давили.
А наверху ордынцы ели-пили.
И даже застонать было нельзя.
Кельн. 1989.

Ольга НИКОЛЬСКАЯ

1994 год. Вечер. «Неизвестные пятидесятые» в Музее В. В. Маяковского. Слева направо — поэты «Мансарды» Олег Гриценко, Галина Андреева, Андрей Сергеев.

туры, отсутствие всяких позывов опубликоваться и «выйти в люди», пробиться в толпу «сисипятников» (от ССП — Союз советских писателей). К концу 50-х — началу 60-х годов появляются новые интересные литературные группы и имена, но «круг Красовицкого» останется самым принципиальным и суверенным в литературном пространстве оттепели. Он останется абсолютно безотносительным к литературной периодике.

Зато здесь, как нигде, знали былое — русскую поэзию XX, XIX, XVIII и даже XVII веков. Андрей Сергеев (сейчас один из

один Эренбург пытался тогда что-то сделать для Лени. Куда там! Это был первый, и, наверное, самый жестокий литературный арест послесталинских времен.

Власти своего добились. «Мансарда» стала затухать, утратив консолидирующее начало. Вскоре Красовицкий напроць, по-гоголевски, отказывается от всего, что создал и становится православным священником — отцом Стефаном. Наступали новые времена, в литературу пришли «шестидесятники».

Фото Н. МАЛЫШЕВА